

УДК 93

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-705-712

**К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОКУЛЬТУРНОМ СОСТОЯНИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.****ON THE ETHNO-CULTURAL STATE OF THE KURSK PROVINCE AT THE END
OF THE XIX-th - THE BEGINNING OF THE XX-th CENTURIES****А.И. Дудка, И.Г. Оноприенко, М.А. Сергиенко
A.I. Dudka, I.G. Onoprienko, M.A. Sergienko**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85Belgorod National Research University,
85, Pobeda st., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: dudka@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье авторы анализируют этнокультурное состояние Курской губернии в конце XIX – начале XX вв., специфика которого закладывалась с периода вторичной колонизации края и в условиях активного культурного обмена, продолжавшегося и в начале XX века. Эти процессы вызывали устойчивый интерес, получив неоднозначную интерпретацию в работах отечественных и зарубежных историков, и по этой причине требуют дополнительного пересмотра. Этнографические экспедиции второй половины XX века подтвердили сохранение русских и украинских культурных особенностей. Обращение к материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 года, историческим и этнографическим источникам помогает конкретизировать этнокультурную ситуацию в губернии на основе анализа состояния таких компонентов ее культуры, как язык, поселения, хозяйственная деятельность и этноконфессиональные отношения.

Abstract

In the article, the authors analyze the ethno-cultural state of the Kursk province in the late 19th and early 20th centuries, the specifics of which were laid from the period of secondary colonization of the region and in the context of active cultural exchange, which continued in the early 20th century. These processes aroused a steady interest and received ambiguous interpretation in the works of domestic and foreign historians, and for this reason it needs in reconsideration. The study is based on the principles of objectivity, historicism and scientificness, allowing to identify the ethnocultural image of the investigated province in the specified period. Ethnographic expeditions of the second half of the 20th century confirmed the preservation of Russian and Ukrainian cultural features. Referring to the materials of the First General Census of the Russian Empire on January 28, 1897, historical and ethnographic sources help to flesh out the ethno-cultural situation in the province on the basis of an analysis of the state of such components of its culture as a language, settlements, economic activity and ethno-religious relations.

Ключевые слова: этнокультурное состояние, этногенетическая культурная идентичность, язык, великорусское и малорусское население, этноконфессиональные отношения.

Key words: ethnocultural state, ethnogenetic cultural identity, language, Great Russian and Little Russian population, ethno-confessional relations.

Этнокультурный облик Курской губернии складывался с периода вторичной колонизации Днепро-Донского междуречья, когда его территорию начали осваивать переселенцы из Российского государства и Речи Посполитой. Они принесли культурный опыт,

который был адаптирован сначала к условиям приграничья, а потом и к социально-экономическим процессам общероссийского характера.

В этом взаимодействии можно выделить несколько пластов: на ранние восточно-славянские основания со свойственной народам этногенетической культурной идентичностью наслонились русские и украинские элементы, сформировавшиеся в условиях обособленного существования двух народов; а в XVI–XIX веках они были обогащены культурными достижениями, созданными в условиях их проживания на территории единого государства и, соответственно, их включенности в протекавшие хозяйственно-культурные процессы. Это обусловило появление сходных признаков и известную нивелировку различий в хозяйственно-культурном опыте каждого народа, но не привело к утрате населением национальной культурной специфики: сохранились языки и самосознание, фольклор и традиционная обрядовая культура русского, украинского и других народов. В большей степени изменениям оказались подвержены хозяйственная деятельность, социальные отношения и духовная культура. На этнокультуру были возложены задачи формирования национальной самоидентификации, передачи исторической памяти и обеспечение преемственности поколений, создание условий для развития хозяйственно-культурной деятельности, этнизации и этнокультурации подрастающих поколений.

В историографии получили освещение различные аспекты проблемы этнокультурного состояния Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. Одним из первых вопросов об этнокультурной специфике края в связи с его колонизацией рассматривал Д.И. Багaley [1887, 1913]. Г.Н. Булгаков [1925] дал описание культурных достижений курян в исследуемый период. Л.А. Динценс [1954], Г.С. Маслова [1979], С.А. Токарев [1954] поднимали достаточно широкий круг проблем, привлекая исторические текстовые документы и этнографические материалы. В 80-е годы XX в. вопрос об истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма получил разработку в многочисленных научных исследованиях В.П. Загоровского [1969, 1966, 1991, 1987].

Теоретическое осмысление получила проблема этнокультурной специфики в работах Ю.М. Бромлея [1983], В.И. Наулко [1975], Ю.П. Платонова [2002] и других этнографов. По итогам ряда экспедиций были подготовлены публикации, автором которых была Л.Н. Чижикина [1988]. На большом фактологическом материале об исторических и этнокультурных процессах, протекавших на территории Курской губернии, написаны работы Л.М. Рянского [1987], М.С. Жирова [2003], С.И. Ботовой, Т.А. Приставкиной и А.В. Рябчикова [2000].

Нередко авторы высказывали диаметрально противоположные точки зрения. Так, например, Д.К. Зеленин [1995] указывал на общность культурного развития русского и украинского народов, а Н.Ф. Сумцов [2002] не признавал ее.

В последнее десятилетие вышли исследования авторов, опиравшихся не только на отечественные источники, но и широко использовавшие возможности зарубежных баз данных. Это позволило исследователям конкретизировать вопросы протекания межэтнических процессов, оценить позиции участников культурных контактов и проанализировать их характер и результаты [Очерки о европейской идентичности..., 2013; Российская повседневность..., 2013; Русские: этнокультурная идентичность, 2013; Трансформация этнической идентичности, 2013; Буганов, 2012; Границы, культуры и идентичности..., 2012].

В основе проведенного исследования лежат принципы объективности, историзма и научности, позволяющие выявить этнокультурный облик исследуемой губернии в указанный период. Для последовательного доказательства выдвинутой гипотезы использовались логический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы, что позволило полно и достоверно реконструировать протекание процессов этнокультурного взаимодействия в Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.

Для характеристики этнокультурного состояния Курской губернии на рубеже XIX–XX веков представляется необходимым анализ состояния наиболее сформированных

компонентов ее культуры, таких как язык, поселения, хозяйственная деятельность и этноконфессиональные отношения [Шаповалов, 1997]. Одни из составляющих хозяйственно-культурного типа анализируются достаточно легко, поскольку имеют четкую оформленность, другие требуют достаточно кропотливого анализа, возможного при условии обращения к данным об этноистории края и статистическим документам.

Этнический и культурный облик исследуемой территории начал складываться в XVI–XVII веках, в процессе вторичной колонизации территории края. Основу хозяйственно-культурного типа нового региона составили генетически родственные языки переселенцев, осваивавших Днепро-Донское междуречье. Результатом их взаимодействия стало смешение южнорусских, среднеподнепровских и прочих диалектов и говоров переселенцев, что привело к появлению т. н. суржика, в исследуемый период наиболее распространенного в южных и центральных уездах Курской губернии и бытующего до наших дней. Языковая близость восточнославянских народов привела к тому, что их носители без особых затруднений овладевали языком соседей, получали образование, использовали знания в профессиональной деятельности и повседневной жизни.

Возникавшие с XVI века поселения различались этническим составом населения и его социально-экономическим состоянием. Были села, основанные служилыми русскими людьми из разных районов России (Будище, Саморядово, Долженково, Филатово, Бегичево, например) или украинскими поселенцами (Званное, Рыбинские Буды, Хорьковка), были те, что принадлежали отдельным помещикам (Локоть, Званное, Будки) или даже имели нескольких владельцев (как это произошло в начале XX века с селом Званное). Экспедиция Института этнологии и антропологии РАН Л.Н. Чижиковой, работавшая на территории Курской области во второй половине 70-х годов XX века, отмечала сохранение этносоциальной специфики сел как свидетельства остатков имевшихся ранее различий [Чижикова, 1978].

Известно, что на карте Российской империи Курская губерния появилась в 1797 году [Описание Курского наместничества...]. Наиболее полная информация о населении Курской губернии содержится в материалах Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., изданных Центральным Статистическим комитетом Министерства внутренних дел Российской империи в 1904 году [Первая всеобщая перепись населения...]. «Общая численность всего наличного населения по переписи 28 января 1897 года определилась в 2.371.012 жителей обоого пола, так что, при пространстве губернии в 40,821,1 квадратных верст ... приходилось в среднем на одну квадратную версту 58,06 жителей» [Первая всеобщая перепись населения..., с. V]. Преобладающим сословием как в сельском, так и в городском населении были крестьяне, которые «в сельском населении составляли более 97 %; в городах выделялись также и мещане, которые вместе с крестьянами составляли от 85,75 %» [Первая всеобщая перепись населения..., с. VII].

Более 80 % всего населения во время Переписи показали, что существуют за счет земледелия и промыслов, тесно с ним связанных: лесоводства, рыболовства и других. Анализ состояния занятости населения показал, что малороссов в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности было больше, а во всех прочих профессиях преобладали великоруссы (великоруссов 10,73 %, малороссы – менее 6 %. Полученные данные позволили сделать вывод о том, что «занятия у великоруссов более разнообразны, чем у малороссов» [Первая всеобщая перепись населения..., с. XVII]. Это можно рассматривать, во-первых, как свидетельство большей экономической мобильности великоросского населения, а с другой стороны, как подтверждение склонности к сохранению традиционного социально-экономического уклада малороссами.

Перепись содержит интересную информацию о промысловой деятельности курян: «Из числа всего населения обоого пола, существующего в сельском хозяйстве вообще, как главного занятия, имели побочные промысловые занятия 7,69 %» [Первая всеобщая перепись населения..., с. XVII]. Участие в ней женщин служит доказательством трансформации традиционных семейных отношений и возрастания экономической роли женщины.

Мужчины были заняты «строительными работами 28,8 %, сельским хозяйством 15,1 %, производством одежды 12,6 %, обработкой дерева 12,6 %, извозом 9,2 %, производством растительных и животных питательных продуктов 5,6 % и прочими промысловыми занятиями (обработка животных продуктов, волокнистых веществ, металла) – 16,1 %, а из женщин, имевших промысловые занятия, 84,4 % были заняты разного рода обработкой волокнистых веществ и только 15,6 % прочими промыслами» [Первая всеобщая перепись населения..., с. XVII–XVIII].

Наиболее развиты побочные занятия были в Дмитриевском, Старооскольском и Белгородском уездах. Несмотря на то, что значительная часть населения занята была в полеводстве, малоземелье и чересполосица, усилившиеся в 60–80-е годы XIX века, заставили многих курян все больше времени уделять отхожим и местным промыслам. Сельская община разлагалась, распространялись аренда и покупка земли, сглаживались различия между различными категориями крестьян, что сказывалось на бытовой культуре, в которую проникало влияние города и новых, капиталистических отношений [Рянский, 1987; 2010].

Материалы Переписи содержат весьма полные данные об экономическом состоянии населения губернии, однако вопрос о национальной принадлежности опрашиваемым не был предусмотрен, что заставило впоследствии принять решение определять его «на основании показаний о родном языке»: «Что касается этнографического состава наличного населения Курской губернии, то только 0,41 % населения принадлежит нерусским национальностям, в том числе: евреев – 0,17 %, поляков – 0,12 %; немцев – 0,04 %; цыган – 0,03 и всех прочих национальностей – 0,05 %; всю же остальную массу населения, т. е. 99,59 % составляют русские, в том числе было выявлено великоруссов – 77,29 %, малороссов – 22,26 % и белоруссов – 0,04» [Первая всеобщая перепись населения..., с. XVII].

Большая часть невеликорусского населения была горожанами: в городах губернии проживали более трех четвертей всех евреев (77,2 %), почти две трети всех поляков (65,5 %) и более половины всех немцев (57,2 %). Приведенные данные позволили причислить Курскую губернию к великорусским, а более детальный анализ производился на основе сравнения данных о великорусском и малоросском населении. В соответствии с этим подходом население было распределено по уездам губернии неравномерно: северные уезды (Дмитриевский, Фатежский, Шигровский), смежные с Орловской губернией, были «совершенно великорусские». Три центральных уезда (Льговский, Обоянский и Старооскольский), а также «южная часть Тимского и северная часть Сужданского уездов, составляли переходную полосу между северными и южными уездами губернии. В семи южных уездах (Путивльском, Рыльском, Суджанском, Грайворонском, Белгородском, Корочанском и Новооскольском), граничивших с Харьковской губернией, малороссы составляли «от 1/5 до 1/2 и более всего населения» [Первая всеобщая перепись населения..., с. V]. Подобное распределение населения можно рассматривать как характерное для южнороссийских территорий, так и для русско-украинского порубежья в целом. Оно оформилось в период освоения новых территорий и благодаря политике имперского правительства по привлечению населения на эти земли и предоставлявшего значительные льготы украинским переселенцам, подданным Речи Посполитой.

В религиозном плане в начале XX века Курская губерния была христианской. Среди курян по вероисповеданию преобладали православные, которые составляли 98,70 % населения, что причисляло губернию к православным областям Российской империи. Остальные опрошенные в ходе Переписи по религиозному признаку были отнесены в следующие группы: старообрядцев (0,90 %), иудеев (0,18 %), католиков (0,14 %), протестантов (0,06 %) и магометан (0,02 %). Своеобразная ситуация сложилась с еврейским населением: из числа лиц, назвавших своим родным языком еврейский, было исповедовавших православие 1,28 %. В то же время значительная часть евреев, принявших православие, показали своим родным языком русский, а из всех евреев, исповедовавших иудейство, 7,72 % тоже назвали своим родным языком русский [Первая всеобщая перепись насе-

ния... с. VI]. Религиозная имперская политика не препятствовала представителям различных конфессий отправлять обряды и следовать национальным и религиозным традициям настолько, насколько это не препятствовало государственным законам. Отсутствие конфликтов на религиозной и национальной почве свидетельствует о том, что в хозяйственно-культурном комплексе Курской губернии эти элементы находили свое место и исполняли определенную положительную роль, придавая ему известное многообразие и способствуя культурному обмену.

Еще одним маркером этнокультурного состояния выступает грамотность населения. В конце XIX – начале XX века в Курской губернии она выражалась следующими данными: «Грамотных обоюго пола во всей губернии, включая и городское население, было по данным Переписи 16,3 %, в одном сельском населении (без городов) – только 14,0 %, а в одном городском населении – 39,4 %, в том числе отдельно в городе Курске – 43,6 % грамотных, в городах Рыльске, Путивле, Богатом, Новом Осколе, Старом Осколе, Белгороде и Путивле – от 43,2 до 40,1 %, в городах Судже, Шиграх, Фатеже, Льгове, Короче, Дмитриеве, Обояни и Грайвороне – от 39,8 % до 33,2 %, в городах Тим, Миропольи и Хотмыжск – от 22,4 % до 19,3 % грамотных» [Первая всеобщая перепись населения..., с. XI]. В целом по губернии с образованием средним – 3,6 % мужского и 13,73 % женского населения и с образованием высшим – 0,37 % мужского и 0,06 % женского пола по отношению к общему числу грамотных каждого пола [Первая всеобщая перепись населения..., с. XII].

«У великоруссов было грамотных 26,43 % мужского населения и 6,88 % женского населения, а у малороссов – 27,56 % мужского и 4,73 % женского населения» [Первая всеобщая перепись населения..., с. XVII]. Выше элементарного было образование у великорусов: 4,73 % у мужчин и 15,39 % у женщин, а у малороссов – только 0,54 % у мужчин и 3,07 % у женщин. Одна из причин столь значительного расхождения данных по образовательному уровню опрашиваемых двух наиболее многочисленных этнических групп населения губернии могла состоять в том, что часть образованных малороссов могла называть своим родным языком русский и по этому критерию могла быть причислена к великорусскому населению. Однако считать названное обстоятельство основным едва ли можно: расхождения и в начальном образовании между великорусским и малоросским населением весьма существенны.

В целом состояние грамотности курского населения свидетельствовало о том, что грамотность доступной была представителям различных социальных групп, однако сравнительный анализ данных позволяет увидеть известное расхождение как в экономической сфере, так и в доступе к образованию (у тех же этнических групп). Подобное положение может быть лишь отчасти следствием действия традиций: в большей мере оно свидетельствует о целенаправленной государственной политике и может рассматриваться как подтверждение наличия в стране нерешенных на тот момент проблем в сфере развития этнокультурных отношений. Но общая динамика их развития позволяет сделать вывод о том, что в целом этнокультурное состояние Курской губернии на рубеже XIX–XX веков можно охарактеризовать как стабильное, с доминированием традиционной хозяйственной деятельности и культурных традиций.

Список литературы

1. Багaley Д.И. 1887. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., Издательство Императорского общества истории и Древностей Российских при Московском Университете, 575.
2. Багaley Д.И. 1913. Очерки из русской истории. Харьков, Типография и литография М. Зильберг, 374.
3. Ботова С.И., Приставка Т.А., Рябчиков А.В. 2000. Рукотворная краса земли Белгородской. В 2-х ч. Белгород, Управление культуры администрации Белгородской обл., 248.
4. Бромлей Ю.В. 1983. Очерки теории этноса. М., Наука, 450.

5. Буганов А.В. 2012. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М., Принципиум, 296.
6. Булгаков Г.И. 1925. Схематический обзор Курского края в этнографическом отношении. Курский край. Сборник по природе, истории, культуре и экономике Курской губернии. Вып. 1. Курск, Книгоиздательство Курск. губ. РКП, 124.
7. Границы культуры и идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. Ред.-сост. М.Ю. Мартынова. 2012. М., ИЭА РАН, 440.
8. Динценс Л.А. 1954. Историческая общность культуры русского и украинского народного искусства. Советская этнография. 7: С. 21–49.
9. Жиров М.С. 2003. Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры. Белгород, Издательство БелГИК, 248.
10. Загоровский В.П. 1969. Белгородская черта. Воронеж, Издательство ВГУ, 372.
11. Загоровский В.П. 1966. Из истории городов на Белгородской черте. Из истории Воронежского края. Вып. 3. Труды Воронежского Университета. Воронеж, Издательство ВГУ: 87.
12. Загоровский В.П. 1991. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVIII веке. Воронеж, Издательство ВГУ, 270.
13. Загоровский В.П. 1987. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма. История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, Издательство ВГУ: 126–129.
14. Зеленин Д.К. 1995. Восточнославянская этнография. М., Наука, 486.
15. Маслова Г.С. 1979. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах. М., Изд-во Академии наук СССР, 376.
16. Наулко В.И. 1975. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, Наукова думка, 358.
17. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нём известий вкратце собранное Сергеем Ларионовым того наместничества Верхней Расправы прокурором. 1786. М., Вольная типография Пономарева, 188.
18. Очерки о европейской идентичности и многокультурности: Сборник. 2013. Под ред. М.Ю. Мартыновой. М., ИЭА РАН, 480.
19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Под ред. Н.А. Троицкого. СПб., Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел, 1904.
20. Платонов Ю.П. 2002. Этнический фактор. Геополитика и психология. СПб., Речь, 519.
21. Российская повседневность в зеркале гендерных отношений: Сборник статей. 2013. Отв. ред. Н.Л. Пушкарева. М., Новое литературное обозрение, 864.
22. Русские: этнокультурная идентичность. 2013. Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М., ИЭА РАН, 312.
23. Рянский Л.М. 2010а. Быт крестьян русского Черноземного центра в первой половине XIX века. Российская империя в исторической ретроспективе: сб. науч. тр. V Междунар. науч. конф. (Белгород, 28–29 января 2010). Белгород-Чернигов: 129–133.
24. Рянский Л.М. 1987. Промысловые занятия помещичьих крестьян Курской губернии в 40–50 гг. XIX века. Научные труды КГПИ. Т. 188. Проблемы аграрной истории Центрально-Черноземного района в XIX – начале XX века. Курск, Издательство КГПИ: 126–130.
25. Сумцов М.Ф. 2002. Слобожане: историко-этнографічна розвідка. Харків, Акта, 98.
26. Токарев С.А. 1954. О культурной общности восточнославянских народов. Советская этнография. 2: 21–32.
27. Трансформация этнической идентичности в России и в Украине в постсоветский период. 2013. Отв. ред. и сост. И.А. Снежкова. М., ИЭА РАН, 344.
28. Чижикова Л.Н. 1978. Этнические аспекты материальной культуры населения юго-западных районов Курской области. Советская этнография. 4: 76–87.
29. Чижикова Л.Н. 1988. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционной бытовой культуры. М., Наука, 256.
30. Шаповалов В.К. 1997. Этнокультурная направленность российского образования: Дис. ... д-ра пед. наук. Ставрополь, 311.

References

1. Bagalej D.I. 1887. Oчерki iz istorii kolonizacii stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva [Essays from the history of the colonization of the steppe outskirts]. M., Izdatel'stvo Imperatorskogo obshhestva istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom Universitete, 575.
2. Bagalej D.I. 1913. Oчерki iz russkoj istorii [Essays from Russian History]. Har'kov, Tipografija i litografija. M. Zil'berg, 374.
3. Botova S.I., Pristavkina T.A., Rjabchikov A.V. 2000. Rukotvornaja краса zemli Belgorodskoj [Man-made beauty of the land of Belgorod]. V 2-h ch. Belgorod, Upravlenie kul'tury administracii Belgorodskoj obl., 248.
4. Bromlej Ju.V. 1983. Oчерki teorii jetnosa [Essays on the theory of ethnos]. M., Nauka, 450.
5. Buganov A.V. 2012. Lichnosti i sobytija istorii v massovom soznanii russkih krest'jan XIX – nachala XX vv. [Personalities and events of history in the mass consciousness of Russian peasants of the 19th – early 20th centuries] M., Principium, 296.
6. Bulgakov G.I. 1925. Shematicheskij obzor Kurskogo kraja v jetnograficheskom otnoshenii. Kurskij kraj [Schematic overview of the Kursk region in ethnographic terms. Kursk region]. Sbornik po prirode, istorii, kul'ture i jekonomike Kurskoj gubernii [Collection on the nature, history, culture and economy of the Kursk province]. Vyp. 1. Kursk, Knigoizdatel'stvo Kursk. gub. RKP, 124.
7. Granicy, kul'tury i identichnosti. Jetnologija vostochnoslavjanskogo pogranich'ja [Borders, cultures and identities. Ethnology of the East Slavic Borderland]. Red.-sost. M.Ju. Martynova. 2012. M., IJeA RAN, 440.
8. Dincens L.A. 1954. Istoricheskaja obshhnost' kul'tury russkogo i ukrainskogo narodnogo iskusstva [The historical community of culture of Russian and Ukrainian folk art]. Sovetskaja jetnografija. 7: S. 21–49.
9. Zhiron M.S. 2003. Regional'naja sistema sohraneniya i razvitija tradicij narodnoj hudozhestvennoj kul'tury [Regional system of preservation and development of traditions of folk art culture]. Belgorod, Izdatel'stvo BelGIK, 248.
10. Zagorovskij V.P. 1969. Belgorodskaja cherta [Belgorod trait]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 372.
11. Zagorovskij V.P. 1966. Iz istorii gorodov na Belgorodskoj cherte. Iz istorii Voronezhskogo kraja [From the history of cities on the Belgorod line. From the history of the Voronezh region]. Vyp. 3. Trudy Voronezhskogo Universiteta. Voronezh, Izdatel'stvo VGU: 87.
12. Zagorovskij V.P. 1991. Istorija vhozheniya Central'nogo Chernozem'ja v sostav Rossijskogo gosudarstva v XVIII veke [The history of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the XVIII century]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU, 270.
13. Zagorovskij V.P. 1987. Obshhij oчерk istorii zaseleniya i hozjajstvennogo osvoeniya juzhnyh okrain Rossii v jepohu zrelogo feodalizma. Istorija zaseleniya i hozjajstvennogo osvoeniya Voronezhskogo kraja v jepohu feodalizma [A general outline of the history of the settlement and economic development of the southern outskirts of Russia in the era of mature feudalism. The history of the settlement and economic development of the Voronezh region in the era of feudalism]. Voronezh, Izdatel'stvo VGU: 126–129.
14. Zelenin D.K. 1995. Vostochnoslavjanskaja jetnografija [East Slavic Ethnography]. M., Nauka, 486.
15. Maslova G.S. 1979. Narodnaja odezhda v vostochnoslavjanskijh tradicionnyh obyčajah i obrjadah [Folk clothes in East Slavic traditional customs and rites]. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 376.
16. Naulko V.I. 1975. Razvitie mezhjetnicheskijh svyazej na Ukraine [The development of inter-ethnic relations in Ukraine]. Kiev, Naukova dumka, 358.
17. Opisanie Kurskogo namestnichestva iz drevnijh i novyjh raznyh o njom izvestij vkratce sobranoe Sergeem Larionovym togo namestnichestva Verhnej Raspravy prokurorom [Description of the Kursk governorship from ancient and new different news about him briefly collected by Sergey Larionov of that governorship of Upper Reprisal by the prosecutor]. 1786. M., Vol'naja tipografija Ponomareva, 188.
18. Oчерki o evropejskoj identichnosti i mnogokul'turnosti: Sbornik [Essays on European Identity and Multiculturalism: A Collection]. 2013. Pod red. M.Ju. Martynovoj. M., IJeA RAN, 480.

19. Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897 g. [First General Census of the Russian Empire, 1897] Pod red. N.A. Trojnickogo. SPb., Izd. Centr. Stat. komitetom M-va vn. del, 1904.
20. Platonov Ju.P. 2002. Jetnicheskij faktor. Geopolitika i psihologija [Ethnic factor. Geopolitics and Psychology]. SPb., Rech', 519.
21. Rossijskaja povsednevnost' v zerkale gendernyh otnoshenij: Sbornik statej [Russian everyday life in the mirror of gender relations: Collection of articles]. 2013. Otv. red. N.L. Pushkareva. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 864.
22. Russkie: jetnokul'turnaja identichnost' [Russians: Ethnocultural Identity]. 2013. Otv. red. i sost. I.V. Vlasova. M., IJeA RAN, 312.
23. Rjanskij L.M. 2010a. Byt krest'jan russkogo Chernozemnogo centra v pervoj polovine XIX veka [Life of peasants of the Russian Black Earth Center in the first half of the twentieth century]. Rossijskaja imperija v istoricheskoj retrospective [Russian empire in historical retrospective]: sb. nauch. tr. V Mezhdunar. nauch. konf. (Belgorod, 28–29 janvarja 2010). Belgorod-Chernigov: 129–133.
24. Rjanskij L.M. 1987. Promyslovyje zanjatija pomeshhich'ih krest'jan Kurskoj gubernii v 40–50 gg. XIX veka [Fishing occupations of the landlord peasants of the Kursk province in 40–50. XIX century]. Nauchnye trudy KGPI. T. 188. Problemy agrarnoj istorii Central'no-Chernozemnogo rajona v XIX – nachale XX veka [Problems of agrarian history of the Central Black Earth region in the XIX – early XX century]. Kursk, Izdatel'stvo KGPI: 126–130.
25. Sumcov M.F. 2002. Slobozhane: istoriko-etnografichna rozvidka [Slobozhane: historical and ethnographic rozvydka]. Har'kiv, Akta, 98.
26. Tokarev S.A. 1954. O kul'turnoj obshhnosti vostochnoslavjanskih narodov [On the cultural community of East Slavic peoples]. Sovetskaja jetnografija. 2: 21–32.
27. Transformacija jetniceskoj identichnosti v Rossii i v Ukraine v postsovetskij period [Transformation of ethnic identity in Russia and Ukraine in the post-Soviet period]. 2013. Otv. red. i sost. I.A. Snezhkova. M., IJeA RAN, 344.
28. Chizhikova L.N. 1978. Jetniceskie aspekty material'noj kul'tury naselenija jugo-zapadnyh rajonov Kurskoj oblasti [Ethnic aspects of the material culture of the population of the south-western regions of the Kursk region]. Sovetskaja jetnografija. 4: 76–87.
29. Chizhikova L.N. 1988. Russko-ukrainskoe pogranich'e. Istorija i sud'by tradicionno-bytovoj kul'tury [Russian-Ukrainian borderland. The history and fate of traditional-everyday culture]. M., Nauka, 256.
30. Shapovalov V.K. 1997. Jetnokul'turnaja napravlenost' rossijskogo obrazovanija [Ethnocultural orientation of Russian education]: Dis. ... d-ra ped. nauk. Stavropol', 311.

Ссылка для цитирования статьи

Link for article citation

Дудка А.И., Оноприенко И.Г., Сергиенко М.А. 2019. К вопросу об этнокультурном состоянии Курской губернии в конце XIX – начале XX вв. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 46(4): 705–712. DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-705-712

Dudka A.I., Onoprienko I.G., Sergienko M.A. 2019. On the ethno-cultural state of the Kursk province at the end of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science, 46(4): 705–712 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-4-705-712